

ВОЙНА САТИРИКОН

Цѣна отд. № 15 коп.

III ГОДЪ ИЗДАНІЯ.


№ 21

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915

21 МАЯ.

Рис. Реми.

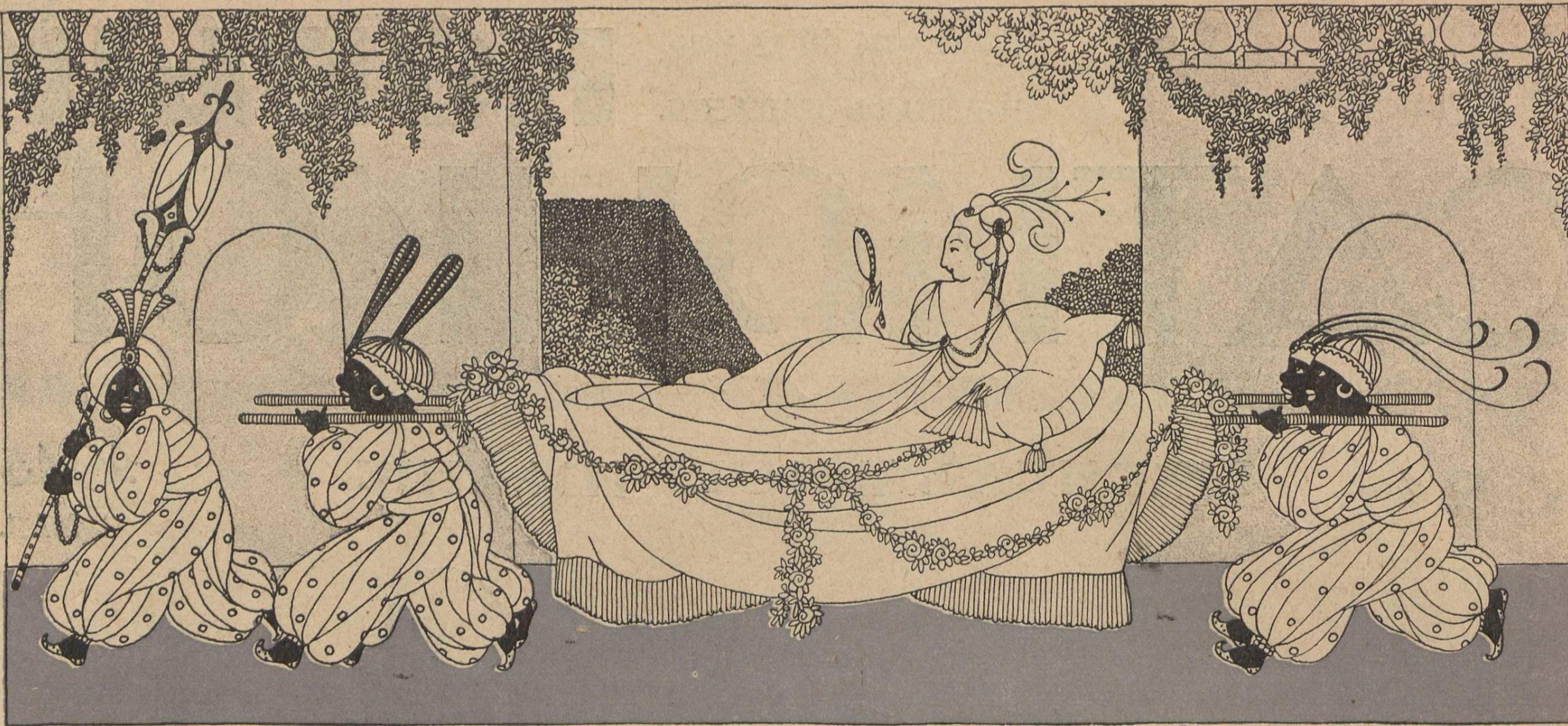
НЕПОЧТИТЕЛЬНЫЙ СЫНЪ.

Вильгельмъ II: — Слыхаль, сынокъ? Говорятъ, что когда война кончится — насъ съ тобой судить будутъ.

Кронпринцъ: — Да-сь, папенька... мнѣ то еще ничего, — я дурной наслѣдственностью могу отговориться, — а у васъ даже и этого козыря нѣть.

Библиотека
им. Н. А. Некрасова

ГОРЯЧАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ.

„Подъ Эпаржемъ для того, чтобы артиллеристы не бѣжали, нѣмецкіе офицеры привязывали ихъ къ пулеветамъ.

У юнкера Шмидта
Горячая кровь.
Сильнѣй динамита
Къ отчинѣ любовь.
Мощь русскихъ и бритта
Его не страшить.
У юнкера Шмидта
Душа — мелинитъ.
Въ разгарѣ сраженья,
Въ аду канонадъ
Онь полнъ упоенъя,
Какъ храбрый солдатъ.
Онь любить безбрежно
Отчину свою,
Привязанный нѣжно
Къ штыку и ружью,
Привязанный къ душкѣ, —
Лошадкѣ гнѣдой,
И къ крупновской пушкѣ,
Какъ къ дѣвѣ младой.
У Шмидта-солдата
Горячая кровь
И крѣпче каната
Къ отчинѣ любовь.
Лиши чутъ «къ изготовкѣ»
Ударитъ сигналъ, —
Большія веревки
Береть генераль,
Увѣисто скажетъ:
— Ни шагу назадъ!
И крѣпко привяжетъ
Къ винтовкамъ солдатъ.
— Тотъ смѣло обязанъ
Сражаться въ бою,
Кто нѣжно привязанъ
Къ коню и ружью!

Но шопоты злые
Ползутъ въ Фатерландъ:
«Веревки гнилия
Прислаѣ интендантъ»...

Дрызгунова Сыновья.

ТО ДА НЕ ТО.

Нѣмецъ: — Мы, какъ римляне у своихъ императоровъ, требуемъ у нашего Вильгельма «хлѣба и зрѣлищъ!».

— Ну, что же, получаете?

— Получаемъ. Только у насъ и хлѣбъ к.-к. и зрѣлища к.-к.!...

ПОТОМКИ.

Много лѣть тому назадъ, выходя изъ дома, Пушкинъ вспомнилъ, что не захватилъ съ собой чистаго носового платка.

Вернувшись домой и, послѣ тщетныхъ поисковъ, не найдя этого платка, великий поэтъ оставилъ на столѣ записку. Такъ какъ Пушкинъ писалъ только стихами, то даже эта скромная записка была написана звучными строками автора «Евгения Онѣгина»:

NN! Когда бъ ты приволокъ
Мнѣ носовой одинъ платокъ!
Тебѣ я благодаренъ буду
И сей услуги не забуду.

NN, къ которому была обращена эта записка, платка не нашелъ, но сверху приписалъ и свою просьбу, тоже стихами, такъ какъ въ пушкинскій періодъ даже прозу всѣ писали стихами:

О Пушкинъ, друга пожалѣй
И оставь у прислути семь рублей.

Въ теченіе двухъ дней, пока бумажка валялась на столѣ, на ней появлялись новые и новые фразы.

— Быль у тебя. Поѣдемъ завтра къ Д. Ладно? — писало на ней какое-то незнакомое лицо.

— Хорошая тема, — набросаль на уголкѣ самъ Пушкинъ. — Грозный. Опричники. Лѣсь. Большой монологъ. Народъ. Музыка.

— Быль я. Приду завтра, — писало другое незнакомое лицо.

На сбратной сторонѣ скучающій гость нарисовалъ козу. Бумажку вымѣль лакей. Потомъ поднялъ ее и вмѣстѣ съ другими бумажками отдалъ прислугѣ на растопку.

Коза, нарисованная опытной рукой, привлекла вниманіе простодушной женщины. Она взяла бумажку и положила ее къ другимъ бумажкамъ, такъ или иначе заслуживающимъ вниманія.

Судьба играетъ человѣкомъ. Кухарка вышла замужъ. Черезъ восемьдесятъ лѣть ея внукъ, ветеринаръ въ юной изъ глухихъ провинцій, разбирая архивъ бабушки, аккуратно сложенный покойницей въ коробкѣ изъ-подъ карамели, нашелъ бумажку, на краешкѣ которой стояла подпись гениальнаго поэта.

Черезъ дѣвъ недѣли ее вертѣли въ рукахъ два изслѣдователя Пушкина, которыхъ многіе осторожно звали пушкиніанцами. Это ремесло перешло имъ по наслѣдству; къ этой профессіи они пріучали и своихъ дѣтей обоего пола.

— По-моему — Пушкинъ, — увѣренно сказалъ одинъ изъ нихъ, прочитавъ бумажку, — и фамилія похожая: Пушкинъ, и годъ подходящій...

— Опять же по козѣ видно, — согласился другой, — кто, кроме автора «Полтавы», могъ такъ нарисовать это простое животное?...

— Къ тому же этотъ ритмъ въ стихахъ:

Быль у тебѣ. Поѣдемъ завтра къ Д.

— Это, кажется, проза...

— Это проза? Ну, знаете... Тутъ даже не поэтъ окончаніе припишетъ: сегодня я, а завтра ты въ бѣдѣ... Слышиште?

— Что жъ, я не пушкинанецъ, что ли?.. Слышу.
— Дополнимъ?
— Воспроизведемъ.
— Издадимъ?

— Можетъ быть, вы думаете, что я миллионеръ, что у меня по особняку въ карманѣ, чтобы я сталъ спорить?..

Приблизительно черезъ мѣсяцъ, въ одномъ изъ журналовъ, печатавшемъ, большою частью, варианты ненаписанныхъ стиховъ гениальныхъ людей, появилось новое неизданное стихотвореніе Пушкина. Изъуваженія къ автору, оно было названо посмертнымъ.

Стихотвореніе имѣло, послѣ тщательной обработки его, приблизительно такой видъ:

NN! Когда бъ ты приволокъ
Мнѣ чистый носовой платокъ.
О Пушкинъ, друга пожалѣй
И оставь у прислути (варіантъ: — прислугѣ)
семь рублей.

Быль у тебя, пойдемъ завтра къ Д.
И будемъ оба мы вездѣ.
Опричникъ. Грозный. — Тема вотъ.
Лѣсь, монологъ большой, народъ.
Быль я. Приду къ тебѣ опять.
Играть. Кидать. Пытать. Шагать.

Споровъ по поводу стихотворенія почти не было. Нѣкоторые пытались изъ упрямства приписать его Лермонтову, ссылаясь на нарисованную козу, такъ какъ Лермонтовъ былъ на Кавказѣ, гдѣ козъ очень много, но пушкинанцы не выпускали добычи изъ зубовъ, и пришлось имъ уступить.

Когда неизданные стихи увидѣлъ режиссеръ большого идеинаго театра, съ повышенной платой на мѣста, онъ побѣднѣлъ, схватилъ себя за сердце и упалъ на стуль.

— Бѣдные мы, — успѣль простонать онъ, — другіе возьмутъ и сдѣлаютъ...

— Успѣемъ, — успокоилъ его близкій человѣкъ, притворяя дверь, — инсценируемъ за одинъ присѣсть... Это не энциклопедіческій словарь въ четыреста двухъ полуточекъ въ кожаныхъ переплетахъ... Сядемъ вмѣстѣ, и пьеса будетъ...

Инсценировали стихотвореніе для большой обстановочной пьесы. Сначала хотѣли передѣлать въ комедію, чѣму сильно способствовала развязная поза козы, нарисованной на оборотѣ, и исторія съ носовымъ платкомъ, но для памяти Пушкина это показалось неудобнымъ. Рѣшили остановиться на вполнѣ законченной исторической драмѣ.

«Декораціи-то нетрудно сдѣлать, — хмуро думалъ режиссеръ, — художника только хорошаго надо позвать: въ первомъ дѣйствіи все на фонѣ носового платка, во второмъ можно завтракъ въ сукнахъ, въ третьемъ монологъ зеленої краской съ желтыми переливами... Вотъ четвертое... Не то козу эту самую живую поставить, не то въ духѣ Грознаго...»

Пьесу писали заново, придерживаясь пушкинского замысла. Содержаніе получалось довольно яркое и выдержанное въ духѣ творчества гениального поэта, какъ объ этомъ не разъ высказывался въ интервью съ репортёрами самъ режиссеръ.

Молодой опричникъ во время чтенія монолога теряетъ носовой платокъ. Появляется незнакомецъ въ маскѣ, который говоритъ, чтобы ему за платокъ выдали семь рублей, иначе онъ грозитъ уѣхать къ Д. За сценой настоящій моторъ гудить въ настоящій рожокъ. Для реальности въ первыхъ рядахъ даже пахнетъ бензиномъ. Опричникъ не соглашается на такую трата и уходитъ въ лѣсъ, собравъ предъ этимъ громадную толпу народа и объявивъ ей, что эти семь рублей онъ оставляетъ своей прислугѣ, а такъ какъ у него прислуги нѣть, то эти деньги беретъ съ собой коза. Кончается пьеса выходомъ N. N., загrimированного подъ Пушкина, съ послѣдней краткой фразой: «Быль у тебя, приду опять»...

Такъ какъ словъ для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ не хва-

тило, пришлось ихъ заимствовать изъ другихъ неизданныхъ произведеній многихъ авторовъ и изданныхъ самимъ Пушкинъ.

Діалоги получались хотя и красивые, но часто не соотвѣтствовавшіе развитію фабулы.

Была та смутная пора, — горячо говорилъ герой пьесы, — когда Россія молодая, въ бореняхъ силы напрягая, мужала съ геніемъ Петра...

Героиня, не давая ему докончить фразы, возражала увѣренно и сердито:

— Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь, такъ воспитаньемъ, слава Богу, у насъ не мудрено блеснуть...

Скора кончалась только благодаря вмѣшательству третьяго лица, введенного въ пьесу режиссеромъ для заполненія пустого мѣста у настоящаго розового куста, съ чудными плодами, при чемъ это третье лицо давало резюмѣ, мирившее всѣхъ:

— Зима. Крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ пушкинскіе неизданные стихи были слишкомъ неумѣстны, а нужно было все же брать что-нибудь изъ пушкинского материала, герой пьесы читалъ большой монологъ изъ ежедневной газеты о необходимости устройства лѣчебницы для алкоголиковъ имени великаго поэта.

Пресса въ своихъ мнѣніяхъ о пьесѣ раскололась на двѣ неравныя половины. Большая, не получившая контрамарокъ на премьеру, укоряла декоратора и вторая персонажи въ чрезвычайно долгихъ антрактахъ; меньшая часть, уступившая свои контрамарки родственникамъ женъ, наоборотъ, пьесу выдвигала, сравнивая ее даже съ «Крейцеровой сонатой» по звучности стиховъ...

И только одинъ экстернъ, прочитавъ къ экзамену «Капитансскую дочку» и сдѣлавшійся внезапно поклонникомъ Пушкина, — скопилъ отъ продажи старыхъ учебниковъ семнадцать рублей, поѣхалъ на могилу великаго поэта и выразилъ свое мнѣніе по поводу пьесы. Взялъ бумажку, прикрытилье ржавымъ гвоздемъ къ оградѣ и вывелъ большими кричущими буквами:

«Здѣсь плевать воспрещается».

Арк. Буховъ.

КАРЛУШЕНКУЛЬТУРЪ.

«Вмѣсто варварской культуры мы создадимъ имъ новую». (Гинденбургъ.)

«Нѣмцы въ Льежѣ устроили три пивныхъ завода». (Иллюстрація.)

Ой, извините, — тошнить:
Сѣть культуру Карлушка.
Вотъ вамъ поэзія — шнитъ,
Вотъ вамъ эстетика — кружка,

Вотъ вамъ религія — биръ, —
Мѣра тевтонской морали, —
Храмъ — развеселый трактиръ,
Храмъ — расписанное биргалле.

Дейче-общественность: — «Жги,
Грабь, поддавай по сусаламъ!»
Гохъ, трепещите враги
Передъ баварскимъ капраломъ.

Дейче-искусство — W.-K.
Имени Фихте и Канта
И, изумлявшій вѣка,
Лобъ пруссака лейтенанта.

Свѣтлое — тамъ идеаль.
Темное «гонится» съ гохомъ.
Свѣтлое — «просто бокаль»,
Темное — «только съ горохомъ».

Ой, извините, — тошнить:
СѣТЬ культуру Карлушка.
Царствуй, божественный Шнитъ!
Царствуй, Великая Кружка!

Евг. Вѣнскій.

Рис. А. Р.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Рис. Реми.

СКОРО ЭТОГО „БОЛГАРИНА СЪ ОБЕЗЬЯНОЙ“ НЕ БУДТЬ ПУСКАТЬ НИ ВЪ ОДИНЪ ПРИЛИЧНЫЙ ДВОРЬ.

Неожиданный выводъ.

Когда человѣка поймаютъ съ поличнымъ, прижмутъ къ стѣнѣ, уличать въ чемъ-нибудь, онъ вдругъ начинаетъ бормотать какую-нибудь самую сумбурную дрянь:

Официальное агентство Вольфа недавно разослало редакціямъ всѣхъ нѣмецкихъ газетъ корреспонденцію изъ Роттердама. Корреспонденція заканчивалась довольно неожиданнымъ выводомъ, указывавшимъ на то, что въ настоящей войнѣ окажутся два побѣдителя: Англія и Германія.

Въ клѣткѣ заперты двое: тигръ и человѣкъ... Взаимоотношениа ихъ могутъ вылиться только въ одну опредѣленную, кристальную форму: или тигръ слопаетъ человѣка, или человѣкъ уокошишь тигра.

Другого выхода нѣть. Вмѣстѣ они жить не могутъ.

Нѣмцы воображаютъ, что существуетъ другой выходъ: человѣкъ дастъ тигру объѣсть свои ноги, а потомъ оба заживутъ въ тишинѣ, мирѣ и благоденствіи...

Единственный другъ.

У нѣмцевъ на одной недѣлѣ семь пятницъ. Еще недавно они всюду расклеивали плакаты съ девизомъ: „Боже, накажи Англію“, ввели даже въ обыкновеніе, вмѣсто „здравствуйте“, говорить при встрѣчѣ другъ съ другомъ: „Боже, накажи Англію“, чутъ ли не на почтовыхъ маркахъ печатали это странное обращеніе къ Богу.

А теперь...

Вотъ:

Графъ Монтсъ недавно помѣстилъ въ газетѣ „Berliner Tageblatt“ статью, въ которой говорить, что Германія послѣ окончанія войны должна возобновить добрососѣдскія отношенія съ Великобританіей.

Отсюда ясно, что единственнымъ другомъ Англіи въ такомъ случаѣ является якобы одна Германія.

Отъ всего этого за версту пахнетъ примитивной политикой дешевой кокотки...

Кусокъ Рубенса.

Изъ „Петрогр. Газеты“:

Одна жена лейтенанта изливаетъ свои элегическія чувства въ письмѣ къ супругу, найденному на одномъ изъ убитыхъ прусскихъ офицеровъ:

„Жена командира вернулась изъ своего путешествія къ мужу — и привезла 26 шелковыхъ платьевъ, шесть штукъ превосходныхъ часовъ и много драгоцѣнныхъ кружевъ.

Жена капитана, баронессы М., получила вчера отъ мужа цѣлый вагонъ военной добычи: ковры, кухонную мѣдную посуду, провизію и даже кусокъ старинной картины, — говорять, — Рубенса.

Что же ты?“

Замѣчательнѣе всего этотъ „кусокъ картины Рубенса“.

Очевидно, картина попалась въ руки нѣсколькоимъ цѣнителямъ искусства.

Если бы въ руки этихъ воиновъ попала свинья, они братски раздѣлили бы ее на куски: „тебѣ окорокъ, мнѣ спину, Гансу — голову, Рупрехту — переднія ноги“...

Вмѣсто свиньи, попался на этотъ разъ Рубенсъ. Ну, что жъ — правила товарищества всегда должны быть на первомъ мѣстѣ...

И поступили съ Рубенсомъ свиные туши, яко со свиной тушей...

Цѣль оправдываетъ средства.

Было время, когда выраженіе: „понюхать пороху“ считалось верхомъ героизма.

Теперь времена наступили болѣе героическія: что значить теперь „понюхать пороху“, когда стали пить динамитъ.

На нѣкоторыхъ рудникахъ въ большомъ ходу новый суррогатъ водки: смѣсь красного вина съ растворомъ динамита и курительной махорки. По словамъ газеты, „динамитное“ вино появилось и на югѣ, въ Юзовкѣ, гдѣ бутылки съ подобной гадостью отличаются аккуратной укупоркой и носятъ громкія названія.

О героическія времена! Прежня буколическая смородиновки, листовки, апельсиновки замѣнились гордымъ, грозно гремящимъ этикетомъ:

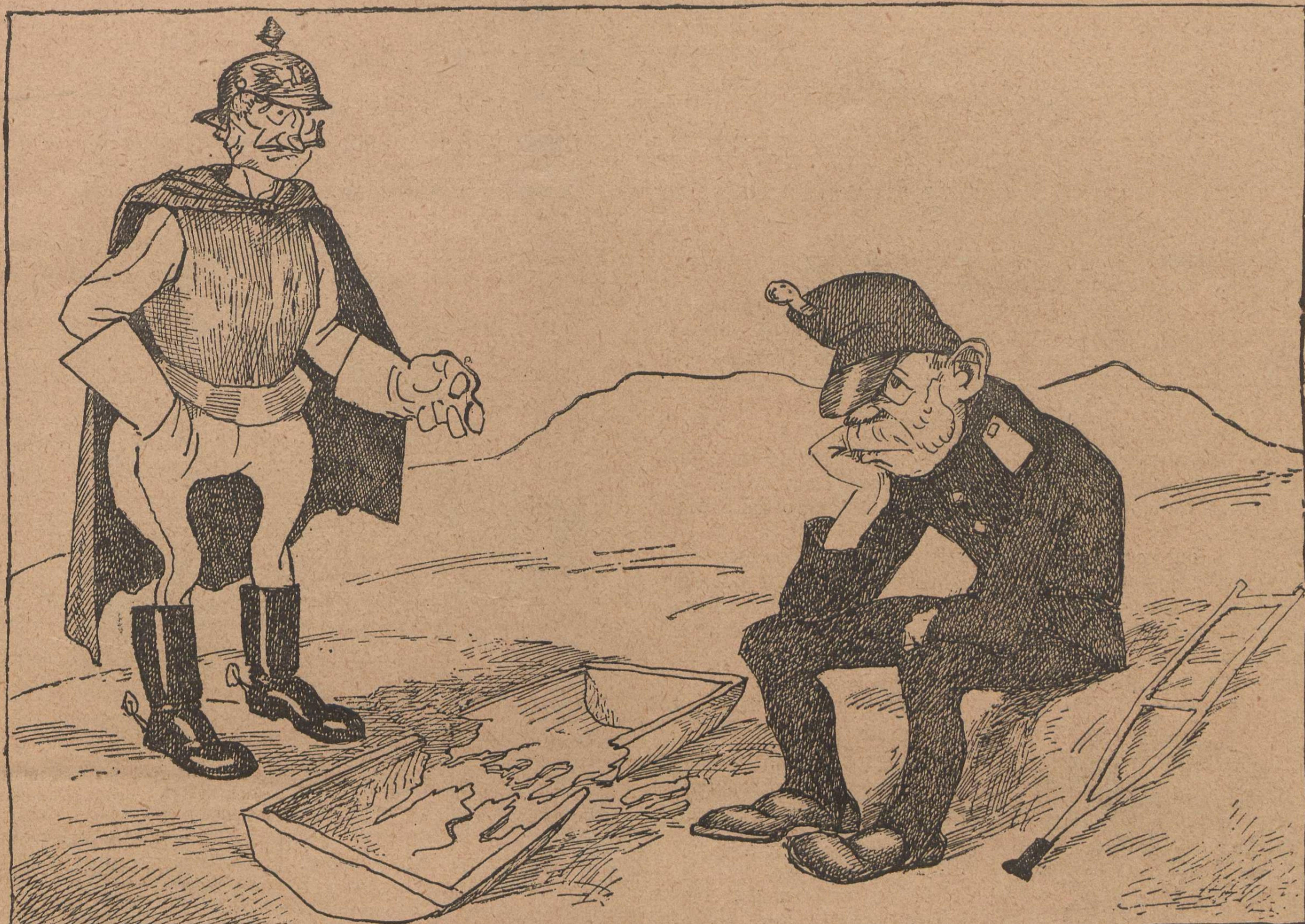
— Динамитовка!

Здоровъ нашъ русскій народъ!

Въ омскую химическую лабораторію поступаетъ много образцовъ браги домашнаго изготавленія. Въ пробѣ, присланной изъ Иссыль-Куля, обнаружены гашишъ. Въ Турицкомъ уѣздѣ обнаружено изготавленіе браги съ примѣсью сильно опьяняющаго неизвѣстнаго вещества, отъ котораго потребляющіе напитокъ валятся съ ногъ.

Если цѣль этого сложнаго напитка — только свалиться съ ногъ, то для этого есть средства гораздо менѣе сложныя: ударъ желѣзнымъ цикориемъ по затылку даетъ тѣ же результаты...

ВАРИАНТЪ СКАЗКИ.

Вильгельмъ: — Чего тамъ особенно огорчаться? Ну, очутился ты, какъ и прежде, у разбитаго корыта... Эка важность!
Францъ-Иосифъ: — Хорошо тебѣ говорить „разбитое корыто“... Да вѣдь корыто-то это разбито о мою голову.

Перемолились.

Заставь „Петроградскую Газету“ о нѣмцахъ писать — она и себѣ, и своимъ читателямъ лобъ разобьетъ.

Отрывокъ изъ передовой статьи:

„Антропофаги, если они существуютъ еще въ Океаніи, на Суматрѣ и въ Полинезіи, даже и не ведутъ войнъ, а поймаютъ бѣлаго человѣка, отрубятъ у него руку на завтракъ, или ногу на обѣдъ, и убѣждены, что они кушаютъ мясо особой породы вкуснаго животнаго. Нѣмцы стали такими же людьми, и когда у нихъ изсякнутъ запасы картофеля и мясные консервы, ничего не будетъ удивительного, если они предадутся каннибальству и начнутъ пожирать плѣнныхъ англичанъ, французовъ и русскихъ, у которыхъ пока отнимаютъ съѣдобныя посылки.“

Отнять у плѣннаго съѣдобную посылку или съѣсть его самого — дистанція такого размѣра, которую только и можетъ одолѣть сотрудникъ „Петрогр. Газеты“.

Въ одномъ изъ фельетоновъ юмы Опискина экзаменаторъ говоритъ по поводу провалившагося ученика:

— Господа! Сей мужъ не знаетъ обѣ основаній династіи Карловинговъ!.. Какъ это вамъ понравится?

— Да, да... — покачалъ головой старичекъ со звѣздой. — Хороши они, всѣ хороши! Сегодня о Карловингахъ не знаетъ, завтра пошелъ — мать зарѣзаль...

— Да-съ, ваше превосходительство... золотыя слова изволили сказать! Завтра — мать, послѣ завтра — отца, тамъ опять — мать, и такъ до безконечности — по торной дорожкѣ!

Не напоминаетъ ли „Петрогр. Газета“ въ своемъ усердіи этого умнаго экзаменатора?

„НА СТАРЫЯ ТЕМЫ“.

I. Убѣжденіе.

„Убѣжденіе — второе рожденіе; навѣкъ убѣдился — вторижды на свѣтѣ родился“.

Ипполитъ П.

... А я скажу одно:
Простите, я — не съ вами!
И вѣдь не суждено
«Прелестными» словами

Мой разумъ обмануть;
Что знаю — крѣпко знаю
И свой тернистый путь
На вашъ не промѣняю!

Слѣпите взоръ другимъ,
Чей разумъ дѣтски-зыбокъ,
А я — неколебимъ.
Въ бронѣ былыхъ ошибокъ
Неуязвима грудь;
Что знаю — крѣпко знаю
И свой тернистый путь
На вашъ не промѣняю!

Не вѣрю ничему,
Прислушиваюсь чутко
Лишь къ сердцу своему
Да голосу разсудка.
А голосъ шепчетъ мнѣ:
Чти опытъ дней прошедшихъ:
Стой гордо въ сторонѣ
Отъ дома сумасшедшихъ!
А сердце шепчетъ мнѣ:
Не попадайся въ сѣти;
Стой въ сторонѣ, зане
Во тьмѣ — и тѣ, и эти!

Я молодъ быль. Тогда бѣ
Слѣпить мой мозгъ обманомъ!
Теперь ужъ я — не слабъ;
Въ боренъѣ неустанномъ
Окаменѣла грудь;
Что знаю — крѣпко знаю
И свой, «роженій» путь —
Умру — не промѣняю!

Василій Князевъ.

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

„СМЕРТЬ ПАЗУХИНА“.

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Нѣтъ ничего смѣшнѣе и печальнѣе положенія человѣка, который, предполагая дверь, въ которую онъ хочетъ ворваться, — закрытой, наваливается на нее всей тяжестью и вдругъ влетаетъ въ слѣдующую комнату съ широко открытымъ ртомъ, выпученными глазами, еле сохраняя равновѣсіе, а то иной разъ и шлепнувшись ладонями и колѣнками обѣ поль.

Дверь не была заперта.

Въ точно такой позѣ очутилась и петроградская критика со вторымъ спектаклемъ Художественного театра.

Можно себѣ представить рецензента, юдущаго на этотъ спектакль.

Ѣхаль онъ спокойно, потому что взаимоотношенія его съ Художественнымъ театромъ уложились въ нѣкій уютный шаблонъ; появился нѣкій строгій ритмъ: художественники ставятъ пьесы, я ихъ ругаю. У всякаго своя профессія, и палацъ такой же винтикъ въ общественно-бытовой машинѣ, какъ и профессоръ консерваторіи.

Въ прошломъ поду мы описывали рецензента, собирающагося «Ѣхать ругать москвичей»; въ этомъ году рецензентъ остался такимъ же. Только что на годъ постарѣлъ.

И съ такими же чувствами собирался онъ въ театръ, какъ и въ прошломъ году.

Ритмъ, ритмъ...

Когда рецензентъ, дома передъ зеркаломъ, какъ и въ прошломъ году, съ мучительной гримасой пытался вздѣть петлю воротника на запонку, жена спросила его:

— Куда ты юдешь?

— Въ Художественный театръ.

— Ругать будешь?

— Ну, а что же? Ясно, кажется, тебѣ говорю: въ Художественный театръ.

— А если хорошо будетъ?

Анна Петровна Живоѣдова —

г-жа Бутова.

— Гдѣ? Въ Художественномъ-то театрѣ? Скажешь ты тоже. Точно маленькая.

Туть же рецензентъ тихо, но мучительно (какъ и въ прошломъ году) застоналъ: петля воротника никакъ не попадала на запонку.

— Руки туть ломаешь изъ-за васъ, чертей, — съ искаженнымъ бѣщенствомъ лицомъ проворчалъ рецензентъ. — Писать о васъ нужно? Вотъ я о васъ напишу!

Сидя въ пролеткѣ, какъ и въ прошломъ году, рецензентъ, томимый скучой, между прочимъ, сообщилъ и извозчику:

— А я, братъ, къ москвичамъ юду. Ругать ихъ буду.

— Коли за дѣло, то что жъ... — задумчиво отвѣчалъ извозчикъ. — Коли такъ, то Господи благослови.

— Я ихъ, братъ извозчикъ, разнесу вѣдь какъ. Они у меня узнаютъ.

— Это точно чѣто. Народъ теперь дюже балованный. Чуть что, прямо — ни тебѣ спокойства, ни тебѣ пріятства.

— Объ этомъ ужъ что говорить! Распотрошимъ такъ, что и дорогу въ Петроградъ забудутъ.

Раздѣваясь у театрального вѣшальщика, рецензентъ съ ядовитой улыбкой освѣдомился:

— Играютъ? Наши-то.

— Такъ точно. Будутъ играть.

— Воображаю. А я вѣдь, братецъ ты мой, ихъ ругать буду.

— Да ужъ это иначе какъ же, — хладнокровно согласился вѣшальщикъ. — Такое ужъ заведеніе.

Шаржи Реми.

Прокофій Ивановичъ — г-нъ Москвинъ.

— Точно чѣто. Такой порядокъ.

— Линія ужъ, какъ говорится, такая.

— Н-да-сь. Курсъ взять, если можно такъ выразиться. И о позапрошломъ годѣ ихъ ругали, и о прошломъ годѣ ихъ ругали, и въ этомъ году за пушкинскій спектакль семь шкуръ спустили. Потому — чувствуй, собака, куда прѣѣхаль.

— Номерочекъ отъ платья извольте.

— Что? Номерочекъ? И номерочекъ твой, братъ, дрянь. Никакого въ немъ вида. Все у васъ скверно, все отвратительно.

* * *

Дверь казалась закрытой.

Ринулся въ нее рецензентъ, обрушился всѣмъ своимъ грѣшнымъ тѣломъ — грудью, плечами, руками — и влетѣль съ выпученными отъ неожиданности глазами въ чудесную, пышную комнату, полную народу.

— Что это вы, батенька? Такъ вѣдь и расшибиться можно.

— Кто жъ его зналъ. Думалъ, что спектакль дрянь преестественная, а оно оказывается — ничего... Какъ слѣдуетъ, спектакль.

Плохо чувствуетъ себя человѣкъ, когда ритмъ его жизни нарушенъ.

* * *

Нормально ли это?

Двадцать пять человѣкъ исключительно талантливыхъ, исключительно даровитыхъ, цѣлый годъ — годъ огромнаго творческаго напряженія — готовятся къ своему священному празднику — спектаклю. Когда все готово, прѣѣзжаетъ одинъ, только одинъ, человѣкъ — обыкновенно, совсѣмъ не талантливый, совсѣмъ не даровитый — и, посидѣвъ три-четыре часа въ уютномъ креслѣ, встаетъ, вынимаетъ изъ кармана карандашъ, бумагу, пишетъ карандашомъ на бумагѣ слово «Дрянь», и со спокойной совѣстю уѣзжаетъ въ ресторанъ ужинать.

Андрей Николаевичъ Лобастовъ — г-нъ Лужскій.

На утро слово «дрянь», отпечатанное въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, разносится по всему свѣту, люди разворачиваютъ свѣжій газетный листъ, читаютъ слово «дрянь» и тутъ же думаютъ про себя: «Эге! Дѣйствительно, значитъ, дрянь, если обѣ этомъ говорить пресса, шестая или седьмая держава, — чортъ ихъ тамъ разбереть».

* * *

«Смертью Пазухина» Художественій театръ еще разъ показалъ, какія широкія, большія возможности онъ въ себѣ таитъ.

Взялись люди за обыкновенную бытовую пьесу и сыграли ее по-обыкновенному, по-бытовому.

Большое это искусство — не перемудрить.

И удержаться отъ соблазна — большое мужество. Кромѣ того, большое мужество нашелъ въ себѣ театръ — провести всю пьесу съ довольно опредѣленнымъ налетомъ шаржа. Это спасло спектакль отъ скуки, отъ тягучести. Шаржъ иногда — мало замѣтная, но необходимая приправа. Когда соль есть въ супѣ, этого никто не замѣчаетъ; когда соли нѣть — противно проглотить даже ложку супа.

Изъ общаго хорошаго ансамбля декорацій, костюмовъ и игры, все-таки на голову выдавались двое: Москвинъ (сынъ Пазухина) и г-жа Шевченко (жена Фурначева, дочь Пазухина). Такой славной, сочной, живой кистью нарисовали оба — кряжистаго, расчетливаго лавочника и глупую, скучающую самку, великолѣпную въ своей самодовольной, величественной глупости...

* * *

Сем. Семен. Фурначевъ —
г-нъ Грибунинъ.

Живковскій — г-нъ Массалитиновъ.

Страшная пьеса — «Смерть Пазухина».

Мы-то, русскіе, можемъ смотрѣть Щедринскую пьесу. Намъ ничего. Не такое еще переваривали.

Да и мало ли что можно наскажать и сдѣлать у себя дома, въ своемъ семействѣ, при закрытыхъ дверяхъ.

Но иностранцу я ни за что бы не показалъ этой пьесы. Ибо послѣ лицезрѣнія этой пьесы такое возымѣть иностранецъ мнѣніе о русскихъ людяхъ и о русской жизни, что пойти нужно послѣ этого русскому человѣку и повѣситься отъ стыда на русской осинѣ.

Впрочемъ, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

Въ стотысячной толпѣ, конечно, есть съ десятокъ большихъ какой-нибудь ужасной болѣзни, или злодѣевъ, или нестерпимыхъ дураковъ. Разбавленный стотысячной толпой, этотъ десятокъ незамѣтенъ. Но въ паноптикумахъ основателемъ его стотысячной толпа презрительно отбрасывается, а выбираются съ исключительной любовью только злодѣи, больные ужасными болѣзнями и знаменитые дураки.

«Смерть Пазухина» тщательно оборудованный паноптикумъ, изъ которого хочется скорѣе выскочить на чистый воздухъ, къ обыкновенной русской стотысячной толпѣ... Фу!

Ave.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ „Синемъ Журналѣ“ появилась корреспонденція съ такимъ подзаголовкомъ:

„Отъ нашего лондонскаго боксера“.

Можно, дѣйствительно, подумать, что у „Син. Журнала“ въ каждомъ городѣ есть свой боксеръ, который и пишетъ журналу дружескія посланія. На этотъ разъ, молъ, писаль нашъ лондонскій боксеръ, а потомъ напишетъ нашъ нью-йоркскій боксеръ.

*

А вотъ чѣмъ занимается „Почтов. ящикъ“ „Синяго Журнала“: „Автора „Фабричной дѣвицы“ просить сообщить свой адресъ А. Орлова, Петроградъ, Введенская пл., д. 17“.

Какъ это понимать прикажете?

Въ скоромъ времени на страницахъ этого журнала мы прочтемъ такую дружескую переписку:

„Просятъ Марью Ивановну зайти къ Петру Николаевичу на чашку чаю“.

„Семенъ Семенычъ! Что вы со мной дѣлаете, ей Богу!“

Это называется — „семейный журналъ“.

*

Стиль „борьбового“ рецензента „Петрогр. Курьера“.

„...на 36-й минутѣ, залѣшивъ (?) Мурзуку молниеносный прѣмъ, Яго всталъ,увѣренный, что онъ побѣдилъ.
Въ свое время Мурзукъ, зане- почемъ раскладывалъ этого са- маго Яго“.

„Зане- почемъ.“

Какое-то китайское слово.

Очевидно, имя китайского рецензента, пишущаго въ „Курьерѣ“.

*

Г-нъ Н. Киселевъ на страницахъ „Лукоморья“, въ разсказѣ „Весна“ описываетъ, какъ муха летала съ крошкой сахара:

„На полу сидѣтъ муха и сосетъ свое дневное пропитаніе — крошки сахаря. Я машу на нее рукой, и муха со своимъ пропитаніемъ срывается съ мыста и садится мнѣ прямо на лобъ“. Бѣдная муха, изъ которой г. Киселевъ... сдѣлалъ слона!

*

Гарольдъ въ „Кievskoy Мысли“ — образно мыслить:

„Всесильна власть денатурата, —
Увы, еще сильнѣй „ханжа“.

Мысль, хотя и образная, нуждалась для образования „куплета“ еще въ двухъ строчкахъ, и г. Гарольдъ дописалъ:

„Прекрасныхъ словъ напрасна траты,
Я на людей смотрю, дрожа“.

Съ одинаковымъ успѣхомъ кievскій поэтъ могъ бы дописать къ своей „образной“ мысли слѣдующее:

Ты въ каждомъ ближнемъ чувствуя брата,
Ночь безначальная свѣжа.

Или:

О радость сновъ, огни заката!
Тебя молю; не ѿшь съ ножа...“

УДАРЪ СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Чирковъ засталъ Нину Сергеевну въ ужасно скверномъ настроеніи. Она вяло протянула ему руку для поцѣлуя, едва замѣтно кивнула головой и беззвучно повела губами.

— Обижается на меня! — подумалъ Чирковъ и, поглядывая на свои ногти, сказалъ:

— Ужасно было занять послѣднее время!

Искоса поглядѣль на нее.

— ... Чертовски много работы было...

Сдѣлалъ паузу, пристально поглядѣль на нее. Она молчала.

— ... Начальникъ отдѣленія боленъ. У секретаря жена рожаетъ. Его помощника на войну забрали. Вся работа на мнѣ.

Нина Сергеевна тихо вздохнула. Чирковъ вытеръ вспотѣвшіе: лобъ и верхнюю, бритую, губу.

— ... Человѣкъ — не машина. Машина тоже нуждается въ смазкѣ, въ подвижчиваніи. Я долженъ быть освѣжиться, встяхнуться... Въ нашемъ отдѣленіи вѣдь все статистика: цифры, цифры, цифры!.. За три мѣсяца вынуто изъ ящиковъ 2717 писемъ безъ адреса, при населеніи столицы это выходить на каждого жителя почти по $\frac{1}{74}$ письма...

Подумалъ: «Къ чему я это?.. Какъ глупо!» Глотнулъ слону, глотнулъ съ такимъ усилиемъ, словно старался проглотить застрявшую въ горлѣ кость.

... Она скользнула по его лицу безучастнымъ взглядомъ.

— Нина Сергеевна, увѣряю васъ — это не серьезно!..

Она наморщила лобъ и спросила:

— Какъ вы сказали?

— Не серьезно!

Она грустно улыбнулась, вздохнула, качнула печально головой и задумалась.

Чирковъ приложилъ руку къ груди и, волнуясь, сказалъ:

— Вы не должны сомнѣваться въ моихъ словахъ!.. Мои чувства къ вамъ такъ глубоки, такъ... Честное слово, я ее случайно встрѣтилъ на мосту: — «Вы на острова?» — «На острова». Она мнѣ органически противна...

— Да, да! — глядя поверхъ Чиркова, бросила Нина Сергеевна и хрустнула пальцами.

— ... Неужели нельзя прокатиться на острова?.. Отъ работы прямо обалдѣваешь, а теперь — весна... Это чья-то сплетня, прямо гнусная, грязная сплетня... Можетъ быть, вамъ сказали, что я держалъ ее за талію? То (она покала плечами) это потому, что такъ принято...

Онъ откашлялся, провѣль рукой по лбу и продолжалъ:

— ... Можетъ быть, вамъ передали, что я заглядывалъ съ любовью въ ея глаза?.. Я не вижу никакихъ причинъ, чтобы отрицать это!.. Да, я заглядывалъ, но почему? Это важно!.. Она спросила: «Нравятся ли вамъ мои глаза?» Я отвѣтилъ: «Я не знаю, какого они цвѣта». — «А вы посмотрите!» Я и посмотрѣлъ... Вотъ и все!.. Я, право, не думалъ, что вы примете такъ близко къ сердцу... Мнѣ, не скрою, это не только лестно, но и безконечно радуетъ меня...

— Да, да... Вы правы: начальникъ отдѣленія... Я вѣрь слушаю!.. Простите, я такъ потрясена этимъ...

Она скомкала какое-то письмо, глубоко вздохнула и опустила голову на скрещенные руки.

Чирковъ укоризненно сказалъ:

— Ревность — мѣщанско чувство... Ты должна быть выше этого чувства... Клянусь, я люблю тебя одну!.. Возьми себя въ руки!.. Ну, наконецъ, если ты такъ ревнива, я скажу тебѣ: да, это было мимолетное увлеченье, которое разсѣялось, какъ дымъ при сильномъ вѣтре... Понимаешь, весна!.. Въ груди неясное томленіе... Воздухъ напоенъ чѣмъ-то опьяняющимъ и дразнящимъ... Ты была въ моихъ мечтахъ, а она была тутъ рядомъ со мной, жаждущая любви, ласки... Я хотѣлъ создать иллюзію счастья и для меня, и для нея... Чтобы мнѣ казалось, что она — ты, а ей, что я — отвѣщаю ей взаимностью... Я игралъ, какъ на сценѣ!.. Я могу доказать:

я цѣловалъ ее съ закрытыми глазами, чтобы не видѣть ея противной физіономіи, чтобы не разрушать моей иллюзіи, моего иллюзорнаго счастья!.. Я знаю: ты скажешь, что это — недостойная игра... что — безчестно такъ поступать, какъ поступалъ я съ ней... Да, — ты права!.. Ты скажешь, что я и передъ тобой виноватъ... Я... я... искѹлю...

Онъ протянулъ руки и воскликнулъ:

— ... Я готовъ чѣмъ угодно доказать мою любовь!..

Нина Сергеевна слегка вздрогнула, улыбнулась и, взявъ его за руки, спросила:

— Милый мой, я могу вамъ довѣриться?

Вмѣсто отвѣта онъ припалъ губами къ ея ручкамъ. Она поцѣловала его въ лобъ и быстро отстранилась.

— ... Вотъ что, мой дорогой: ради всего святого, узнайте... чѣмъ увлекся Борисовъ... — она на мгновеніе замялась, потомъ решительно произнесла: — Мнѣ очень важно знать это, потому что я... я люблю его!

Исидоръ Гуревичъ.

П О Р Ы В Ъ.

Судомойка изъ трактира,
Прочитавъ лихой романъ:
«Донъ-Формозо и Эльвира», —
На пятакъ взяла румянъ.

Передъ зеркаломъ постой-ка,
Горемыка-судомойка,
Щеки блѣдныя накрась,
Не ударъ портретомъ въ грязь!

Вышла... Гдѣ ты, Донъ-Формозо,
Ночью снivшійся въ бреду?
Приходи съ мечомъ и розой.
Я тебя, Эльвира, жду...

Встрѣча. Галстучекъ. Цѣпочка.
Котелокъ. Пенснэ. Усы.
«Донъ» забыть, и злая точка
Кроетъ стыдные часы.

Критикъ, взглядомъ бойкимъ, смѣлимъ,
Разсмотрѣвъ себя на свѣтъ,
Вдругъ нашелъ, что въ общемъ, въ цѣломъ
Онъ не критикъ, а поэтъ.

Дѣло въ шляпѣ. Вотъ поэма
Шевелится въ головѣ:
Какъ шпюнка-нѣмка Эмма
Съ горя топится въ Невѣ.

Пишетъ, а рука привычно
Отмѣчаетъ на поляхъ:
«У Н. Н.» неприлично
«Изданъ «Желтый альманахъ»;

«С. Н. Б. не знаетъ быта;
«Л. К. К. укралъ сюжетъ;

«Изъ готоваго корыта

«Пить такой-то вотъ поэтъ...»

Глядь, набросана статейка,
«Эмма» — гдѣ-то въ сторонѣ,
И безрадостенъ, какъ вейка,
Добролюбовъ на стѣнѣ.

Не ищите здѣсь морали,
Надо всѣмъ — ни кто, какъ Богъ;
Мы безхитростно писали,
Съ легкой помощью ногъ.

А. С. Гринъ.

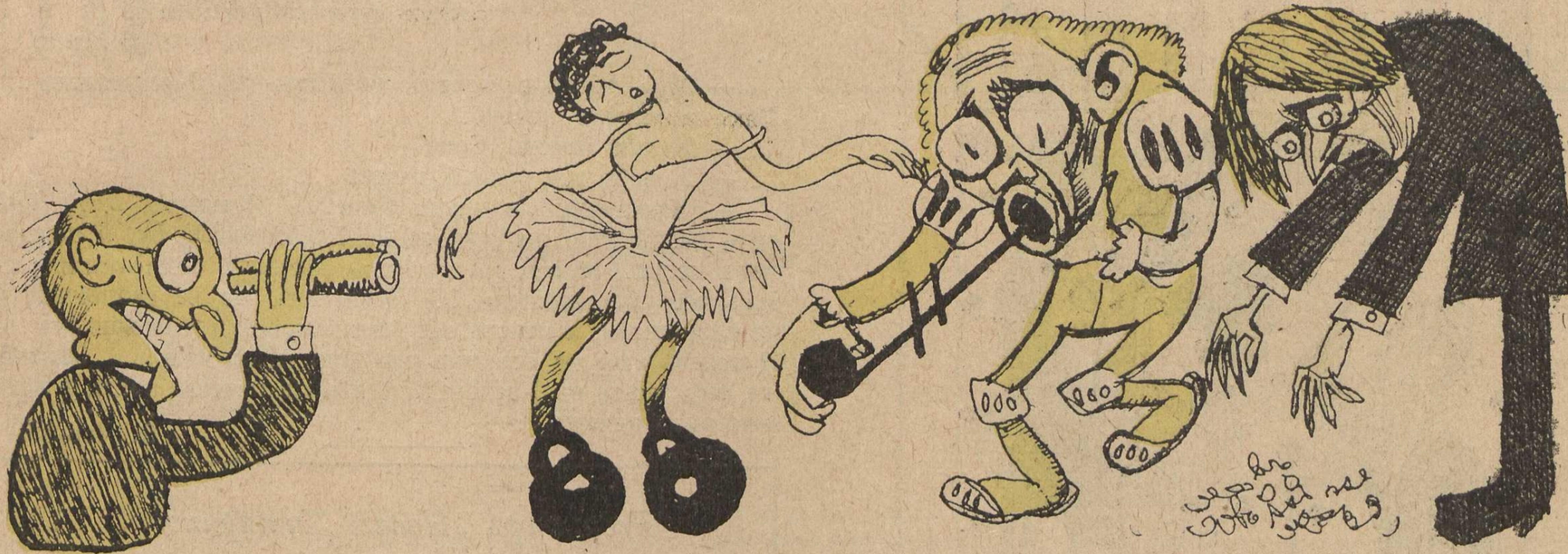
Рис. В. Лебедева.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНАГО ПОДЪЕЗДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА.

Рис. А. Радакова.

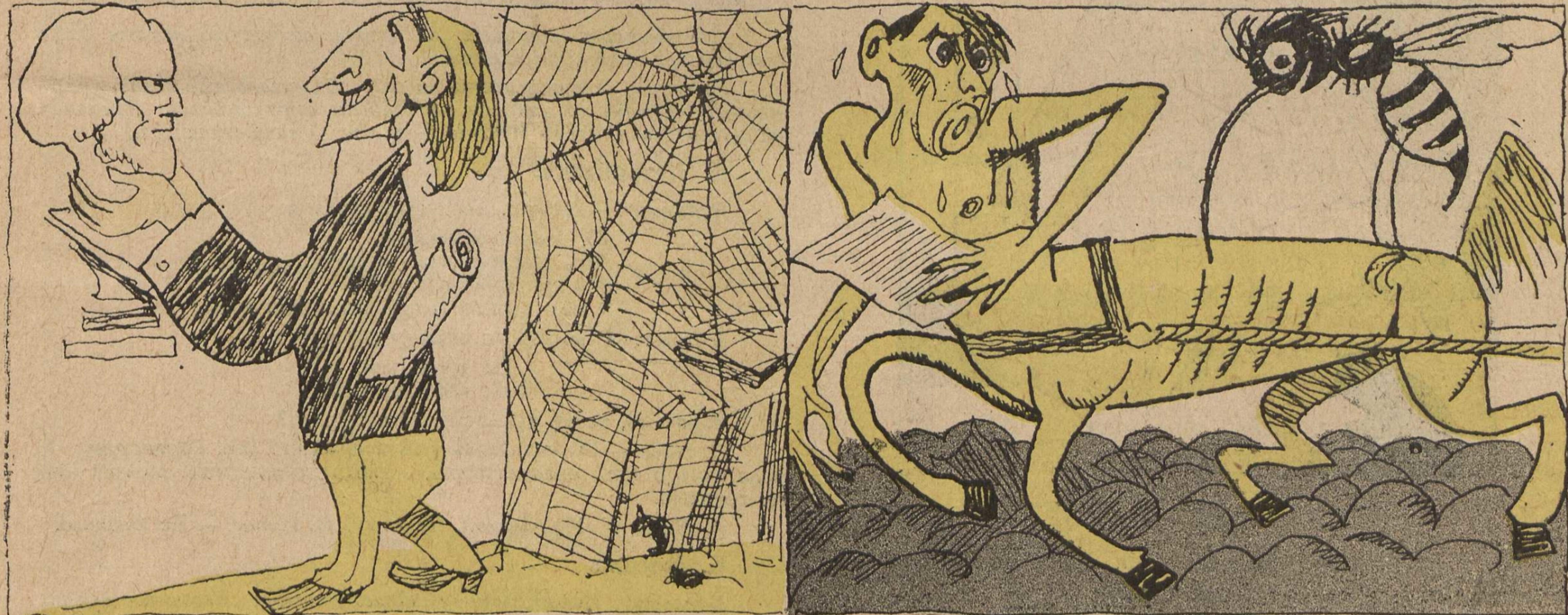
Критика — легка, искусство — трудно.

Вотъ пришелъ критикъ и направилъ свое око туда, — куда нужно. И почувствовала балерина, что у нея пудовая ноги; у пѣвца застряла нота въ горлѣ; поэтъ не могъ подобрать риѳмы и т. д.

А Панургово стадо — толпа — мычитъ: „Скажи, талантливъ онъ или нѣтъ?“

И мы, артисты, съ трепетомъ ждемъ его приговора, такъ какъ это будетъ и приговоръ толпы.

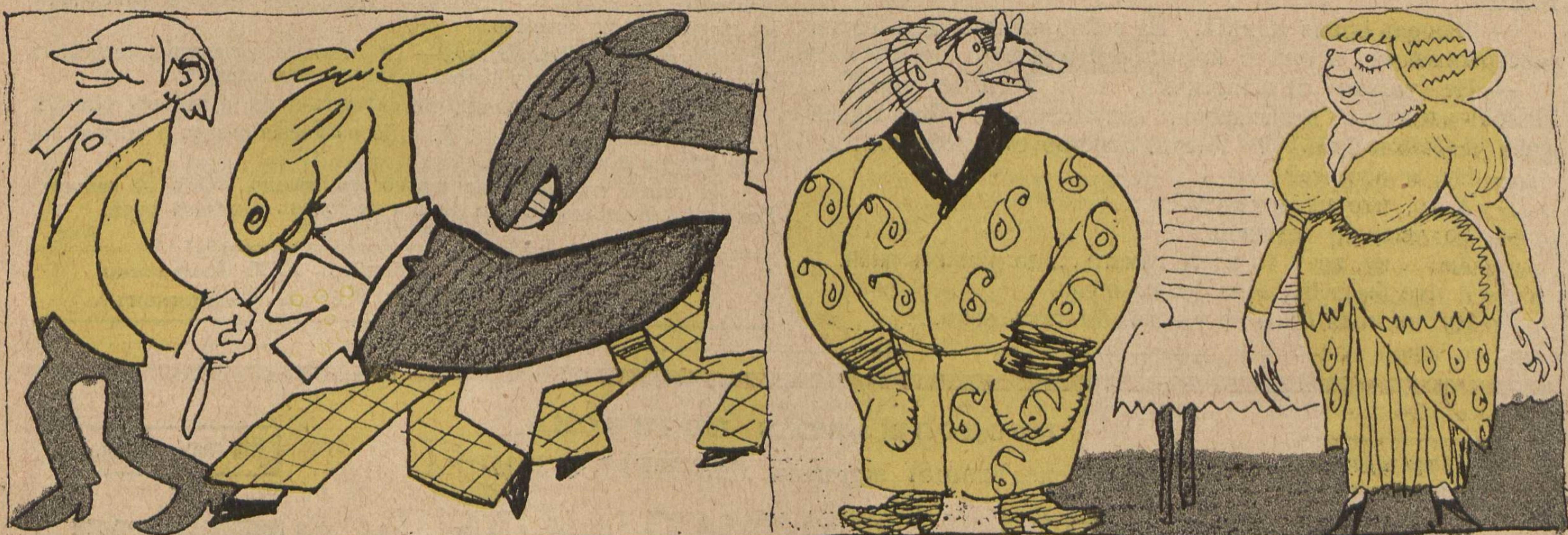

Вы, несправедливо умученные критикой, когда вы читаете о себѣ въ газетахъ, припомните слова старика Гейне: „Творенія духа остаются незыблѣмы, а критика есть нѣчто измѣняющееся; она родится изъ возврѣній времени, имѣть значеніе лишь для этого времени и съ нимъ умираетъ“.

О, я увѣренъ, что и у Гомера былъ свой критикъ, много часовъ ему испортившій... Ау!! гдѣ ты? А Гомеръ съ нами навѣки.

И еще вспомнимъ слова, что сказалъ нашъ тихій, милый Чеховъ. Говорилъ онъ, что критикъ часто бываетъ оводомъ, жалящимъ лошадь и пахаря въ минуту, когда они оба выбиваются изъ силъ надъ трудной работой.

Скажите, развѣ свистомъ, который былъ на первомъ представлѣніи „Чайки“, толпа не звала своего критика, чтобы онъ отвелъ жулика отъ искусства въ участокъ критической статьи?

Правда, бываетъ чудо, что Панургово стадо слушаетъ и понимаетъ критиковъ милостью Божіей, идетъ за ними и даже старается не пылить и ушами не хлопать...

Но вѣдь Панургово стадо слушаетъ и такихъ критиковъ:
— Слава Богу, могу не идти сегодня въ театръ, узналь, что критикъ „Коптящей Лампы“ будеть ругать, — значитъ надо хвалить...
Вѣдь и ихъ слушаетъ толпа!
Такъ не огорчайся же, художникъ... Ты самъ свой высшій судъ..

НОВЫЙ САТИРИКОН

Рис. Миссъ.

СМЪХЪ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ.

— Странно, сударыня: ни одна шляпа не сидитъ прочно на вашей головѣ...

— А это понятно — почему: едва я надѣну шляпу, какъ вы говорите ея цѣну. У меня волосы дыбомъ и подымаются.

НЕВОЗВРАТНОЕ.

1.

— Боже мой, сколько людей хорошихъ умерло... молодыхъ...

— Нашелъ время жалѣть. На войнѣ каждый день сотни разстрѣливаются, а онъ о штатскихъ горюетъ.

— Не только о штатскихъ, а и военные умирали. Штабсъ-капитанъ Менандровъ, напримѣръ... Добрѣйшей души человѣкъ быль... Умеръ, царство ему небесное...

— Ну, и что же?..

— А то, что не дотянули...

— До чего не дотянули?

— До... ну, вотъ до этого самаго... до нашихъ дней...

— А что было бъ, если бы дотянули?

— Ну, не пили бъ и не умерли бы такъ рано...

2.

Евреямъ разрѣшено пребываніе на кавказскихъ курортахъ для лѣченія.

(Изъ газеты.)

— Ну, Абрамъ, теперь поѣдемъ въ Кисловодскъ... Таки полѣчишь печень...

— Какую печень, Соня?

— У тебя жъ болѣть печень...

— Ха-ха, болѣла, когда была... Я каждое лѣто просятъ разрѣшенія полѣчиться въ Кисловодскѣ, ну, и каждое лѣто не разрѣшали. А докторъ говоритъ мнѣ: «Ваша печень все уменьшается»... Такъ мнѣ все не разрѣшали и не разрѣшали, а печень все уменьшалась и уменьшалась... И теперь уже не осталось навѣрно и кусочка... Зачѣмъ же мнѣ юхать въ Кисловодскъ лѣчить печень, когда у меня уже нѣтъ печени!..

В. Черній.

Редакторъ „Нового Сатирикона“
принимаетъ по средамъ отъ 2 до 3 час.
въ помѣщении редакціи — Невскій, 88.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованные въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Рудольфу. — Нѣчто, именуемое стихами:

„О, дивуйтесь народы,
Вотъ теперь какимъ а сталъ:
Всѣ привычки побросаль
И пью вмѣсто водки фруктовыя воды.“

А Крыловъ сказалъ по вашему адресу:

Ты лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

Впрочемъ, развѣ вы послушаете старика?

В. Нави. — Вы слишкомъ ужъ подражаете Вал. Горянскому. И, надо вамъ отдать справедливость, — плохо это выходитъ. Мелочи тоже не подошли.

А. Н., А. Г. Уточкиной, Чужому, Ф. Инову. — Не подошло.

Б. Москва.

Борскому, Ивану Ежику младшему автору „Весеннаго воля“, г. Со-ли, Журавлю, В. И. Кар-ву. — Къ сожалѣнію, не подошло.

В. Провинція.

Камышловъ. — г. Л. — Слабо.

Одесса. — А. С., Энмару, Киевъ. — Н. А. Ш. — В. Лук-ву. — Астрахань. — Л. Кондр-ву. — Анальевъ. — Автору пародии „Осенній день“. — Все присланное, къ сожалѣнію, не подошло.

Нов. Симеизъ. — А. А. Т-ову. — Феодосія. — Страннику. — „Дѣвочки изъ Тифліса“. — Екатеринославъ. — Восбоковой. — Козловъ. — Тамб. губ. — Автору стих. „Одинокій“. — Полтава. — Григорію Б-скому. — Казань. — Ибрагиму. — Все присланное, къ сожалѣнію, не подошло.

Сызрань. — Пащенкову. — „У меня, г. редакторъ, сообщаетъ Пащенковъ, — какъ и у Гоголя, смѣхъ сквозь слезы“.

Съ тою только разницей, что смѣетесь-то вы, а плачетъ читатель.

Ст. Исаково. — М. Д. Д. — До полученія отвѣта о стихахъ не буду вѣшать носа*.

И послѣ полученія не нужно его вѣшать. Онъ не виноватъ. Вся отвѣтственность должна лежать на головѣ и правой руцѣ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 цѣнныхъ преміи

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 цѣнныхъ преміи

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ

бывають артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНЪ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬБОМЫ РИСУНКОВЪ ДЛЯ РЕМЕСЛЕННИКОВЪ.

Мотивы мебели въ новомъ стилѣ 20 разн. вып. — Мотивы драпировокъ и мягкой мебели 12 разн. вып. — Мотивы рѣзьбы по дереву 5 разн. вып. — Мотивы токарныхъ работъ 4 разн. вып. — Мотивы кузнецко-слесарн. раб. 16 разн. вып. — Мотивы столярно-плотничн. раб.: оконъ, дверей, воротъ 10 разн. вып. — Трафареты дерев. выпил. въ русскомъ стилѣ 8 разн. вып.

Цѣна каждого вып. — 60 к. Съ перес. 6 вып. — три рубля.

Высылаетъ технический книжный складъ М. ПЕТРОВА.
Петроградъ, Б.-Подьяческая ул., 19. \heartsuit Москва, Волхонка, 1 уг. Знаменки.

Золотая медаль — Лондонъ, 1893 г.

Глазной складъ у Г. Ф. Юргенсъ, Москва.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписзывающіе со склада издаѣства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„О ХОРОШИХЪ ВЪ СУЩНОСТИ ЛЮДЯХЪ“.

7-ое издаѣство. — Цѣна 1 р. 25 к.

„КРУГИ ПО ВОДЪ“.

16-ое издаѣство. — Цѣна 1 р. 25 к.

„ВОЛЧЬИ ЯМЫ“.

Цѣна 50 коп.

ФОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

И. ГУРЕВИЧЪ.

СИГНАЛЬНЫЯ РАКЕТЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ДМИТРИЙ ЦЕНЗОРЪ.

ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СЛѢДУЮЩІЕ ВЫПУСКИ:

№ 1—12. Аркадій Аверченко.

№ 13. Тэффи.

№ 14. Ландау.

№ 15. Аркадій Аверченко.

№ 16. О. Л. Д'ОРЪ.

№ 17. Аркадій Аверченко.

№ 18. К. Милль.

Цѣна выпуска 10 коп.

ТЭФФИ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

6-ое издаѣство. — Цѣна 1 р. 25 к.

„НИЧЕГО ПОДОБНАГО“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

„И СТАЛО ТАКЪ“.

6-е издаѣство — Ц. 1 р. 25 к.

„КАРУСЕЛЬ“.

3-е издаѣство; * Цѣна 1 р. 25 к.

ВЛАДИМІР ВОИНОВЪ.

СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

А. МЮРЖЕ.

БОГЕМА.

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВЫЕ СПЕЦІАЛЬНЫЕ

выпуски Дешевой Библіотеки.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„О НЪМЦАХЪ и О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ“.

СВИНЦОВЫЕ СУХАРИ.

ПЯТЬ ЧЕМОДАНОВЪ.

О. Л. Д'ОРЪ.

ПРОКЛЯТИЕ НАЧАВШИМЪ.

ТЭФФИ.

„ЗАРЕВО БИТВЫ“.

Цѣна 10 коп.

Э К З А М Е Н Ы.

Рис. Реми.

ПАЛЕЦЪ ВЪ НЕБО.

Професоръ: — Ну, теперь скажите мнѣ: какія преступленія совершаются чище всего въ состояніи аффекта?

Студентъ: — Поддѣлка кредитныхъ билетовъ.

